

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 356.3

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-577-585>

Шифр научной специальности 5.1.4

Цифровые девиации представителей цифрового поколения: классификация и виды

Шуняева Вера Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, SPIN-код: 9161-1221, РИНЦ AuthorID: 626797, <https://orcid.org/0000-0003-0035-8013>, vera1705@mail.ru

Аннотация

Дана классификация и рассмотрены виды цифровых девиаций представителей цифрового поколения. Цель исследования – выявить особенности цифровых девиаций в условиях современной цифровизации, отражающейся в первую очередь на подростках. Методологической основой исследования стали разнообразные методы общенаучного и частнонаучного характера. Формально-юридический метод способствовал выявлению подходов к пониманию девиаций, в том числе и цифровых. Методы структурного анализа и синтеза способствовали выявлению признаков цифровых девиаций. Сравнительно-правовой метод применялся при формировании видов цифровых девиаций согласно категориальным критериям. Определены ключевые признаки цифровых девиаций. Обоснованы в типологии цифровых девиаций когнитивный и поведенческий уровни. Предложены виды цифровых девиаций в соответствии с различными категориями. Рассмотрены отдельные виды цифровых девиаций представителей цифрового поколения. Сделаны выводы о разнообразии и постоянном обновлении цифровых девиаций несовершеннолетних, требующих своевременного и эффективного профилактического воздействия.

Ключевые слова

игровая зависимость, троллинг, фишинг, цифровые девиации, представители цифрового поколения, классификация цифровых девиаций

Финансирование

Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора

В.А. Шуняева – идея и дизайн исследования, сбор и обработка нормативных документов, анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов

Шуняева В.А. является членом редакционной коллегии журнала «Актуальные проблемы государства и права», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования

Шуняева В.А. Цифровые девиации представителей цифрового поколения: классификация и виды // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 4. С. 577-585. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-577-585>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-577-585>

OECD 5.05; ASJC 3308

Digital deviations of the digital generation: classification and types

Vera A. Chunyaeva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law Disciplines Department, Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya St., 392000, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 9161-1221, RSCI AuthorID: 626797, <https://orcid.org/0000-0003-0035-8013>, vera1705@mail.ru

Abstract

The classification is given and the types of digital deviations of representatives of the digital generation are considered. The purpose of the study is to identify the features of digital deviations in the context of modern digitalization, which primarily affects adolescents. The methodological basis of the research is a variety of general scientific and private scientific methods. The formal legal method has helped to identify approaches to understanding deviations, including digital ones. The methods of structural analysis and synthesis contributed to the identification of signs of digital deviations. The comparative legal method was used in the formation of types of digital deviations according to categorical criteria. The key signs of digital deviations have been identified. Cognitive and behavioral levels are grounded in the typology of digital deviations. Types of digital deviations are proposed in accordance with different categories. The separate types of digital deviations of representatives of the digital generation are considered. Conclusions are drawn about the diversity and constant updating of digital deviations of minors that require timely and effective preventive measures.

Keywords

gaming addiction, trolling, phishing, digital deviations, representatives of the digital generation, classification of digital deviations

Funding

This research received no external funding.

Author's contribution

V.A. Chunyaeva – research idea and design, normative documents selection and analysis, scientific literature analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of interests

Vera A. Chunyaeva is a member of the Editorial Board of the journal “Current Issues of the State and Law”, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declare no other conflicts of interest.

For citation

Chunyaeva, V.A. (2025). Digital deviations of the digital generation: classification and types. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 9, no. 4, pp. 577-585. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2025-9-4-577-585>

Введение

Глобальные цифровые трансформации, происходящие на современном этапе развития общества, обусловлены разнообразием цифрового инструментария, включающего в себя различные meta-площадки. Новое виртуальное пространство, являясь способом социального взаимодействия, предполагает соблюдение определенных правил. Нарушение правил содержит риски развития разного рода девиаций у лиц, осуществляющих

внутривиртуальные коммуникации. Такие девиации отражают не только индивидуальные психологические черты, но и общесоциальные, характерные для этого исторического периода направления развития. При этом инкогнитость виртуальных личностей приводит к гибкости норм поведения в цифровой реальности, а также к латентности их нарушения.

Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины

информационной безопасности Российской Федерации»¹ к основным информационным угрозам относит использование информационного воздействия на «индивидуальное, групповое и общественное сознание» в различных целях, в том числе с целью формирования социального напряжения. Нарушение информационной безопасности также затрагивает, согласно Доктрине, конституционные права и свободы человека и гражданина, посягая «на неприкосновенность частной жизни и личной тайны». Основные принципы, приоритетные задачи и механизм государственной политики в области информационной безопасности детей отражены в Концепции информационной безопасности детей².

Модернизация человеческого бытия меняет социальные конструкты, порождая виды девиаций, которых не было ранее. Все это привело к формированию новых модальных типов личности: Homoglobalis (человек глобальный) и Homodigitalis (цифровой кочевник) [1]. Такие личности приобретают новые черты, новые возможности самовыражения, новые средства коммуникации, и уже сами становятся новыми «законодателями» тех правил, которые устанавливаются в виртуальном мире.

Это в первую очередь касается представителей цифрового поколения, так как именно они больше времени проводят в виртуальном пространстве, в отличие от взрослых, именно они тестируют различные цифровые конструкты в коммуникациях, именно они формируют новые тенденции различных отклонений, а проходя стадии социализации, подростки решают свои возрастные задачи. При этом «социальная неопределенность стимулирует активизацию саморегуляционных процессов в молодежной среде в форме конструирования новых нормативных структур. Молодые люди сами определяют для се-

бя границы допустимого и дозволенного, распространяя данное правило, в том числе, и на регуляцию социальных взаимодействий в молодежных группах» [2].

Методы исследования

В ходе исследования автор изучал труды специалистов в различных областях знания: уголовное право, криминология, психология, социология (А.В. Толстокорова [1, с. 730], О.В. Сорокин [2, с. 86], Я.И. Гишинский [3, с. 70], Маккаги Ч. с соавт. [4], М.В. Костоломова [5, с. 41], Н.В. Богданович, В.В. Делибалт [6, с. 45], И.Ю. Клубников [7, с. 5], Г.Ф. Голубева, Е.М. Фещенко, Ю.В. Ерещенко, А.А. Зюзя [8, с. 509], С.Р. Асянова, Я.И. Жигалова [9, с. 245], С. Джутит [10], М.Ю. Сидорова, Д.Г. Мацепуро, А.З. Гайбуллаев [11, с. 93], Т.Л. Шкляр, А.В. Попова [12, с. 1335], А.В. Майоров [13, с. 376], В.В. Брюно [14, с. 113].

В исследовании использованы формально-юридический метод (способствовал выявлению подходов к пониманию девиаций, в том числе и цифровых), методы структурного анализа и синтеза (способствовали выявлению признаков цифровых девиаций), сравнительно-правовой метод (применялся при формировании видов цифровых девиаций согласно категориальным критериям). Определены: ключевые признаки цифровых девиаций; обоснованы в типологии цифровых девиаций когнитивный и поведенческий уровни; предложены виды цифровых девиаций в соответствии с различными категориями; рассмотрены отдельные виды цифровых девиаций представителей цифрового поколения.

Результаты исследования и их обсуждение

Что же понимается под девиациями? Во-первых, понятие «девиация» используется в различных науках – биологии, физике, социологии, психологии, криминологии и т. д. О многообразии видов девиаций говорит и Я.И. Гишинский: «девиации... являются всеобщей формой, механизмом, способом изменчивости, а следовательно, и жизнедеятельности, развития каждой системы» [3].

Девиация независимо от сферы применения термина трактуется как некое отклонение. С точки зрения социологии девиантное поведение не соответствует социальным

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 016 г. № 50. Ст. 7074.

² Концепции информационной безопасности детей: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71167034/> (дата обращения: 19.06.2025).

ожиданиям, которые установили некие эталонные представления о нем. Такие представления во многом обусловлены культурным кодом этого социума. При этом отклоняющееся, то есть девиантное поведение может быть как групповым, так и индивидуальным [4]. В сфере криминологии девиация рассматривается как отклонение от правомерного поведения в сторону противоправного (криминального), то есть такого поведения, которое нарушает нормы, предусмотренные законом и установленными определенными санкциями.

Во-вторых, в современных условиях развития общества особое значение приобретает цифровая девиация, как феномен, обусловленный виртуализацией окружающего человека пространства, позволяющего подросткам по-разному реализовать себя, в том числе нарушая общепринятые нормы морали и права в цифровой среде. М.В. Костоломова предлагает под «цифровой девиацией и цифровым девиантным поведением понимать совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм, эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной реальности, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия» [5].

Цифровые девиации, на наш взгляд, обусловлены рядом ключевых признаков:

- место проявления – виртуальная реальность, то есть место, неограниченное территориальными границами. Это место доступно в любой части света. Оно не имеет четких географических границ и зависит лишь от наличия доступа к сети Интернет;

- инструментарий реализации связан с цифровыми технологическими возможностями. Наряду с фото- и видеоинструментами для реализации девиантного поведения используются специальные компьютерные программы, а также искусственный интеллект;

- неограниченный круг участников. Любой человек на планете Земля, имеющий доступ к сети Интернет, может стать свидетелем, непосредственным участником, а также инициатором любых цифровых девиаций;

- быстрота распространения девиантных тенденций. Скорость передачи данных на сегодняшний день исчисляется секундами, а не днями, месяцами, а когда-то и годами при распространении информации. В настоящий момент то, что стало трендом девиантных форм в одном месте земного шара, уже может повториться через несколько минут на другом его конце;

- содержание цифровых девиаций может быть классифицировано по различным критериям (например, криминального и не криминального характера; исключительно виртуального и дуального характера; направленного на себя или на других лиц и т. д.);

- цифровая анонимность предполагает практически невозможность установления реальной девиантной личности, скрывающейся за цифровым фасадом;

- латентность, порожденная как нежеланием жертвы заявлять о том, что она подверглась различным формам девиантного воздействия, так и тщательным скрыванием своей личности самих девиантов, а также сложностью выявления в безграничном виртуальном пространстве лиц, участвующих в цифровых девиациях;

- большая вероятность безнаказанности. В связи с латентностью, а также сложностью поиска реального лица, спрятанного за виртуальным аккаунтом, создаются условия, при которых невозможно привлечь к ответственности всех лиц, участвующих в девиациях криминального характера.

М.В. Костоломова предлагает следующую типологию видов цифровых девиаций:

1. Эмоциональный уровень – «отчужденный в цифровой толпе».

2. Физический уровень – «цифровая деменция».

3. Коммуникативный уровень – «цифровой нарциссизм».

4. Социальный уровень – «виртуальный эскапизм».

5. Интеллектуальный уровень – «знаю все и ничего».

6. Ценностно-мировоззренческий уровень – «кто я» [5].

На наш взгляд, в данную типологию необходимо добавить:

- когнитивный уровень. На этом уровне происходят серьезные негативные изме-

нения когний подростков, непосредственно связанные с мыслительными процессами. Являясь базовыми элементами познания мира, искажаясь при устойчивых формах девиаций, они меняют глубинные положительные убеждения на негативные автоматические мысли, формирующие дальнейший жизненный путь представителя цифрового поколения;

– поведенческий уровень. Формируясь и развиваясь в результате взаимодействия с той или иной средой (в данном случае цифровой), вырабатывается стереотип допустимого девиантного поведения, подкрепленный определенными стимулами (например, одобрением со стороны значимого для девианта сообщества или различного рода виртуальными реакциями на доступную неограниченному количеству лиц продемонстрированную форму девиации).

Рассматривая классификацию различных форм цифровой девиации, отметим, что, в зависимости от категорий, их разделяют на: кибераддикции, киберкриминальное, киберагрессию, киберсамоповреждение, киберрискованное, кибервиктимное [6; 7], к данным категориям стоит отнести и киберсексуальную, как самостоятельную катего-

рию, так как она обладает индивидуальными характеристиками (табл. 1).

Приведенные категории содержат далеко неполный список всех видов цифровых девиаций, однако в табл. 1 приведены наиболее распространенные.

Проанализируем некоторые из каждой категории.

Игровая зависимость – это вид цифровой аддикции, проявляющийся в неконтролируемом желании играть в игры на различных цифровых устройствах. Она разделяется на лудоманию, связанную с азартными играми и тотализаторами, а также на гейм-аддикцию, проявляющуюся в увеличении онлайн- и видеоигр. При этом игры, к которым стремятся подростки, не направлены на развитие логики, мышления и других полезных когнитивных функций. Как правило, предпочитаемые игры связаны с участием в сражениях, боевых действиях, где противниками могут быть как существа выдуманные (зомби), так и прототипы людей. В таких играх используются различные виды оружия, и основная цель заключается в уничтожении противника. Исследования показали наличие корреляционных связей между уровнем компьютерной игровой зависи-

Таблица 1. Классификация цифровых девиаций
Table 1. Classification of Digital Deviations

Цифровые аддикции	игровая зависимость, зависимость от социальных сетей, информационная зависимость
Цифровой криминал	распространение вирусов, вредоносных программ, DoS-атаки, фишинг (мошеннические действия при помощи ложной информации), кража онлайн личности, участие в деструктивных онлайн-сообществах (экстремизм, терроризм, религиозное сектанство)
Цифровая агрессия	кибертравля, кибер-сталкинг (регулярное нарушение личных границ в киберпространстве), гриффинг (игровой кибервандализм), кибертроллинг (создание споров в онлайн-сообществах), фаббинг (постоянное отвлечение на гаджеты в процессе общения)
Цифровое самоповреждение	self-harm (самоповреждение с фиксацией при помощи сети Интернет), цифровое самоповреждение, цифровые группы смерти
Цифровой риск	опасные фотоавтопортреты, онлайн-заработки с риском, видеотрансляции зацепинга
Цифровая виктимность	открытость цифрового профиля, открытость геоданных пользователей сети Интернет
Цифровые сексуальные отклонения	груминг (нападения онлайн-педофилов), секстинг (распространение материалов интимного характера, интимные онлайн-трансляции)

Источник: составлено автором.
Source: compiled by the author

мости и агрессией подростков в реальном, а не виртуальном мире [8, с. 509].

Фишинг, являясь видом цифровой преступности, предполагает мошеннические действия путем обмана, введения в заблуждение, в ходе которых злоумышленники узнают конфиденциальную информацию у интернет-пользователей с целью ее использования в своих корыстных интересах. «Фишинг составил 30–50 % всех кибератак (атаки, направленные на получение конфиденциальной информации, такой как пароли и данные кредитных карт). По данным отчета APWG (Anti-Phishing Working Group), в 2022 г. было зафиксировано более 1,5 миллиона фишинговых атак» [9, с. 245]. При этом несовершеннолетние могут быть как жертвами подобного рода преступлений, так и непосредственными или опосредованными исполнителями преступных действий. Наличие разного рода информации, в том числе криминального характера, в свободном доступе на бескрайних и малоконтролируемых информационных ресурсах, а также определенный уровень знаний и навыков представителей цифрового поколения в сфере компьютерных технологий позволяет им стать участниками подобного рода противоправных деяний.

Троллинг является одной из разновидностей агрессивного поведения, реализуемого на виртуальной площадке анонимно, в отличие от буллинга, который исходит от конкретных известных лиц. Создание недостоверных, так называемых «фейковых» аккаунтов позволяет их создателям сохранить свою личность, но при этом позволяет почувствовать свою защищенность и безнаказанность. Троллинг проявляется в различных социальных провокациях, виртуальных издевательствах, направленных на формирование особых переживаний у жертвы (приступов страха, постоянной тревоги и т. д.). В основе троллинга лежит акцент на особенностях жертвы – лишний вес (недостаток веса), национальность и т. д. Регулярно подчеркивая выбранную специфику жертвы, осуществляется эмоциональное давление на жертву, в результате чего у нее развивается паранойя [10]. В троллинге участвуют подростки, жертвами которых становятся другие несовершеннолетние. Желание дестаби-

лизировать другого человека или целое интернет-сообщество, не будучи идентифицированным, лишь усиливают рост троллинга в современной цифровой среде.

К категории цифрового самоповреждения относятся *cybersuicide* и цифровой *self-harm*. Указанные виды проявляются в поиске информации в сети Интернет, позволяющей причинить себе боль, осуществить реальное или виртуальное самоубийство. Такая информация получается в группах, где подобного рода идеи формируют негативные смыслы, обсуждаются и культивируются. На подобных интернет-площадках даются конкретные советы, укрепляются нездоровые мысли о собственном самоуничтожении или причинении себе боли как в физическом плане, так и в виртуальном. «Любые красноречивые примеры *digital self-harm* служат лишь иллюстрацией того, что Интернет демаргинализует подобные практики, делает их более видимыми и позволяет людям легче и быстрее к ним присоединиться» [11, с. 93]. Находя единомышленников в таком желании, подросткам гораздо легче перейти к непосредственной реализации самоуничтожения, а желание стать «звездой» Интернета, выложив ролик со своей смертью или результатом самоповреждения, еще более мотивирует. Опасение вызывает исследовательская статистика данного девиантного проявления. Так, некоторые исследования доказывают, что число случаев цифрового самоповреждения растет. Например, в США в 2017 г. этот показатель составлял 6 %, в 2019 г. – уже 9 %³, к 2021 г. таких подростков стало уже 12 %⁴.

Цифровые рискованные девиации проявляются в создании видео- или фотоконтента, сопряженного с рискованными обстоятельствами, в ходе которых происходит запечатление подростками себя на телефон в местах и на объектах повышенной опасности (на высоте, на транспорте (зацепинг),

³ Цифровое самоповреждение: что это и как перестать уничтожать самого себя? 26.12.2022. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/535254.php> (дата обращения: 19.06.2025).

⁴ С 2016 по 2021 год число случаев цифрового самоповреждения среди подростков в США резко возросло. URL: <https://globalhealthnewswire.com/public-health/2024/07/09/digital-self-harm-surges-among-u-s-teens-from-2016-to-2021> (дата обращения: 19.06.2025).

рядом с опасными животными, во время стихийных бедствий и т. д.), с последующим распространением в социальных сетях. Такие фотографии иллюзорно закрывают потребности в самоутверждении и превосходстве над другими людьми. При этом последствия таких фото сессии могут носить как криминальный характер (проникновение на объекты повышенной опасности), так и трагический. «Первое сообщение о смерти из-за селфи появилось в СМИ в марте 2014 г. С тех пор в процессе съемки селфи погибло 127 человек: в 2014 г. их было 15, в 2015 г. – 39, за первые восемь месяцев 2016 г. – уже 73. Индия стала рекордсменом по количеству смертей в процессе съемки селфи – 76 жителей страны погибли в 2017 г. Соседний Пакистан на втором месте: 9 случаев. Замыкают «тройку» США – 8 смертей за тот же год» [12, с. 1335-1336].

Виктимность – это свойство личности, повышающее вероятность стать жертвой преступления. Она зависит от физиологических, психологических, социальных и иных особенностей подростка. С расширением цифрового пространства к таким детерминантам добавилась цифровая незащищенность персональных данных. Регистрируясь на разных интернет-площадках без соблюдения необходимых мер предосторожности, представители цифрового поколения создают свой цифровой профиль, который может быть легко доступным для лиц криминальной направленности. «Цифровой профиль является наиболее важной частью цифровой личности, представляющей собой совокупность персональных и иных связанных с ними данных индивида в виртуальном пространстве, содержащихся в информационных базах, уполномоченных на их обработку субъектов. Именно цифровой профиль личности и является тем самым уязвимым звеном, обладающим определенным уровнем виктимности потенциальной жертвы цифрового преступления» [13]. Потеря цифровой личности может привести к шантажу, вымогательству со стороны похитителей, к использованию цифрового профиля с криминальными намерениями с целью скрыть реальных преступников. Чаще всего именно подростки становятся жертвами и теряют свою цифровую личность.

Цифровые сексуальные отклонения в настоящее время весьма разнообразны. Среди них особое место занимает определенный способ интимной коммуникации в виде передачи фото- и видеоматериалов интимного характера между знакомыми (секстинг). Однако появляется все больше молодых людей, в том числе несовершеннолетних, пересылающих свои интимные фото незнакомым людям [14]. Такие действия уже можно квалифицировать, как криминальные, заключающиеся в распространении материалов порнографического характера. Передача своих интимных фотографий незнакомым людям может привести к включению этих фото-объектов в оборот детской порнографии.

Приведенные виды цифровых девиаций содержат одну ключевую особенность – они либо уже являются, либо потенциально могут стать криминальными.

Современное развитие общества в условиях глобальной цифровизации способствует ее масштабной трансформации. И, в первую очередь, этим изменениям подвержены представители цифрового поколения, те несовершеннолетние, которые быстрее погружаются в виртуальную реальность, часто заменяя ею реальную.

Такие преобразования невозможны без конфликта старых и новых представлений о поведении, но с опорой на нравственные основы права [15, с. 49]. В связи с чем возникают различного рода у подростков цифровые девиации, которые, как уже отмечалось, могут носить криминальный характер и существенно изменить жизнь не одного подростка.

Заключение

Исследуя цифровые девиации, нами были выделены следующие признаки: место проявления – виртуальная реальность; инструментарий реализации связан с цифровыми технологическими возможностями; неограниченный круг участников; быстрота распространения девиантных тенденций; содержание цифровых девиаций может быть классифицировано по различным критериям; цифровая анонимность; латентность; большая вероятность безнаказанности.

К типологии цифровых девиаций мы посчитали необходимым добавить когнитивный и поведенческий уровень. Такие

уровни позволяют наиболее полно выявить проявления в сферах влияния цифровой реальности на жизнь представителей цифрового поколения.

Приведенная классификация включила наиболее распространенные виды цифровых девиаций. К категориям мы отнесли: цифровую аддикцию, цифровой криминал, цифровую агрессию, цифровое самоповреждение,

цифровой риск, цифровую виктимность, цифровые сексуальные отклонения.

Анализ конкретных видов цифровых отклонений показал, что каждое из них потенциально может стать криминальным.

Таким образом, исследование цифровых девиаций необходимо продолжать с целью выработки эффективных мер их профилактики.

Список источников

1. Толстокорова А.В. Человеческое измерение глобализации: модальные типы личности // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург, 2015. С. 730-739.
2. Сорокин О.В. Девиация в процессе регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: материалы VII междунар. соц. Грушин. конф. Москва, 2017. С. 86-90. <https://elibrary.ru/upxxqm>
3. Гилинский Я.И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 70-73. <https://elibrary.ru/ktukol>
4. McCaghy Ch., Carpon T., Jamicson J. Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Boston, Allyn and Bacon, 2000. 400 p.
5. Костоломова М.В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 41-53. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>, <https://elibrary.ru/ueiqqc>
6. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 45-66. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>, <https://elibrary.ru/dphxdg>
7. Клубников И.Ю. Девиантное поведение подростков: анализ роли современных медиа и цифровых технологий // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2023. Т. 4. № 7. С. 5-12. <https://elibrary.ru/xownws>
8. Голубева Г.Ф., Феценко Е.М., Ереценко Ю.В., Зюзя А.А. Взаимосвязь игровой компьютерной зависимости и агрессивности подростков // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 6 (220). С. 505-510. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.06.p505-510>, <https://elibrary.ru/rjlojm>
9. Асянова С.Р., Жигалова Я.И. Спуфинг как угроза кибербезопасности: понятие, виды, меры противодействия // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 11. С. 242-247. <https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.78.32.143>, <https://elibrary.ru/sckkuo>
10. Judith S. Donath, Identity and Deception in the Virtual Community. London, 2010.
11. Сидорова М.Ю., Маценуро Д.Г., Гайбуллаев А.З. Киберсамоубийство и цифровой селфхарм: общая проблематика и компьютерные решения. Часть 1 // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 28. № 3. С. 92-104. <https://elibrary.ru/uymzmq>
12. Шкляр Т.Л., Попова А.В. Гибридная реальность: психологический и правовой аспект // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1331-1344. <https://doi.org/10.18334/ce.12.9.39330>, <https://elibrary.ru/yltkhz>
13. Майоров А.В. Виктимность цифровой личности (цифровая виктимология) // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. форума «VI Сибирские правовые чтения». Тюмень, 2024. С. 376-380. <https://elibrary.ru/ugbsqu>
14. Брюно В.В. Рискованное сексуальное поведение современных подростков в России. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 1 (25). С. 113-126. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6273>, <https://elibrary.ru/myzbow>
15. Моисеева О.В. Нравственные основы права: корреляция воззрений Бориса Николаевича Чичерина с современными правовыми трендами // Российская юстиция. 2023. № 10. С. 45-50. https://doi.org/10.52433/01316761_2023_10_45, <https://elibrary.ru/izdews>

References

1. Tolstokorova A.V. (2015). The human dimension of globalization: modal personality types. *Materialy XVIII Mezhdunarodnoi konferentsii pamyati professora L.N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya» = Proceedings of the 18th International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Empirical Research Experience"*. Ekaterinburg, pp. 730-739. (In Russ.)
2. Sorokin O.V. (2017). Deviation in the process of regulating social interactions among young people. *Materialy VII mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii «Navstrechu budushchemu. Prognozirovaniye v sotsiologicheskikh issledovaniyakh» = Proceedings of the 7th International Social Conference "Towards the Future. Forecasting in Sociological Research"*. Moscow, pp. 86-90. <https://elibrary.ru/upxxqm>
3. Gilinskii Ya.I. (2009). Sociology of deviations (nova and outlook). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 70-73. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ktukol>
4. McCaghy Ch., Carpon T., Jamison J. (2000). *Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups*. Boston, Allyn and Bacon Publ., 400 p.
5. Kostolomova M. V. (2020). Digital deviance as a phenomenon of new social reality: methodological foundations and conceptualization. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 8, no. 2, pp. 41-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>, <https://elibrary.ru/uieqqc>
6. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. (2024). Deviant online behavior: from the classification of types to an analysis of assistance programmes and technologies. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, vol. 14, no. 2, pp. 45-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>, <https://elibrary.ru/dphxdg>
7. Klubnikov I.Yu. (2023). Deviant behavior of teenagers: analysis of the role of modern media and digital technologies. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii = Actual Problems of Pedagogy and Psychology*, vol. 4, no. 7, pp. 5-12. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xownws>
8. Golubeva G.F., Feshchenko E.M., Ereshchenko Yu.V., Zyuzya A.A. (2023). Diagnostics of the correlation between the dependence of teenagers on computer games and their aggressiveness. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta = Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*, no. 6 (220), pp. 505-510. (In Russ.) <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.06.p505-510>, <https://elibrary.ru/rjlmj>
9. Asyanova S.R., Zhigalova Ya.I. (2024). Spoofing as a threat to cybersecurity: concept, types, countermeasures. *Journal of Monetary Economics and Management*, no. 11, pp. 242-247. (In Russ.) <https://doi.org/10.26118/2782-4586.2024.78.32.143>, <https://elibrary.ru/sckkuo>
10. Judith S. Donath, *Identity and Deception in the Virtual Community*. London, 2010.
11. Sidorova M.Yu., Matsepuro D.G., Gaibullaev A.Z. (2018). Cybersuicide and digital selfharm: general issues and computer solutions. Part 1. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya = Social and Clinical Psychiatry*, vol. 28, no. 3, pp. 92-104. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uymzmq>
12. Shklyar T.L., Popova A.V. (2018). Hybrid reality: psychology and legal aspect. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, vol. 12, no. 9, pp. 1331-1344. <https://doi.org/10.18334/ce.12.9.39330>, <https://elibrary.ru/yltkzh>
13. Maiorov A.V. (2024). Victimization of the digital person ("digital victimology"). *Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma «VI Sibirskie pravovye chteniya» «Pravo v epokhu iskusstvennogo intellekta: perspektivnye vyzovy i sovremennye zadachi» = Collection of Scientific Article on proceedings of International Scientific and Practical Forum "The 6th Siberian Legal Readings" "Law in the Era of Artificial Intelligence: Promising Challenges and Modern Tasks"*. Tyumen, pp. 376-380. (In Russ.)
14. Bryuno V.V. (2019). Risky sexual behavior of modern teenagers in Russia. Part II. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no. 1 (25), pp. 113-126. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6273>, <https://elibrary.ru/myzbwv>
15. Moiseeva O.V. (2023). Moral foundations of law: correlation of Boris Nikolaevich Chicherin's views with modern legal trends. *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 10, pp. 45-50. (In Russ.) https://doi.org/10.52433/01316761_2023_10_45, <https://elibrary.ru/izdews>

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи. / The author has read and approved the final manuscript.